

Рустам МАВЛИХАНОВ

TRANSSUBSTANTIATIO¹

Ваше Высокопреосвященство!

«Инжир — это история про изъятие ребра Адама наоборот. Без инжира не было бы Евы и не было бы нашего, вперёд текущего времени, не было бы встречно текущих времён, ибо жертвоприношение фиговой осы суть помещение Евы обратно в тело Адама. Иначе говоря, чтобы время воспринималось человеком как реальность, из Адама должно быть изъято ребро для создания Евы. Но чтобы человечество вернуло плод, поднесённый Евой Адаму, обратно на Древо познания, Ева должна войти в тело Адама-инжира, принеся себя в жертву плоду Древа, как Праотец принёс себя в жертву ради всего Древа жизни. Так войди и присоединись к его судьбе. Смерть — это путь к благоговению».

По Вашему поручению нами проведено инквизиционное исследование этого текста, опубликованного неким неназванным в Вашем послании кюре, атрибутированного как цитата из проповеди суннитско-суфийского шейха Исмаила Айдида аль-Джулани (Сомали, XX век), который через неизвестного талмудиста VI века из Ктесифона возводит источник к Псевдо-Валериану (Египет, II век н. э.).

Наше исследование показало следующее.

Да, Псевдо-Валериан мог написать такое, и в пользу этого говорит как «изъятие ребра наоборот», так и переосмысление Древа познания, разделение Древа жизни и Древа познания, равно как и идея, что творение мира (и времени) — результат ошибки или падения, а возвращение достижимо через обратное слияние, когда Женское начало — Ева, она же София, или Ахамот — действует через жертву и возвращение в полноту (плерому), а фиговая оса становится энтомологической иконой падения капли света в материю. Однако резкий дуализм гностиков не находит отражения в данном тексте: материя, выраженная здесь в инжире, в осе, в смерти, не несёт зла, но необходима для работы времени. И если гностик сказал бы о выходе из времени, автор притчи говорит о времени, текущем в обе стороны, как об условии трепета перед бытием, что есть не дуалистический мистицизм, но, скорее, имманентный, видящий в материи, не исключая смерть, необходимое условие благоговения. Скорее, так мог сказать какой-то «еретик-монист», который прочитал гностиков, но отверг их презрение к миру.

Да, талмудист из Ктесифона мог написать такое. Он играет с Писанием (Бытие 2:21-23, 3:6-7), применяет излюбленную технику переворачивания смысла через буквальное прочтение, внимателен к деталям: инжир действительно появляется после грехопадения как «лист смоковницы» — и талмудист естественным образом спрашивает: почему именно инжир? почему не виноград? — после чего мог бы дать мидраш «чем согрешили — тем и прикрылись». «Возвращение плода на Древо» напоминает тиккун (исправление) в каббале (но каббала — не Талмуд). Однако классический талмудист (тем более эпохи расцвета Иранской империи Сасанидов) не смог бы описать «изъятие ребра наоборот» как онтологический механизм времени. Он неизбежно сказал бы: «Бог так сотворил, и это хорошо», ибо Время для талмудиста есть закон, а не трепет перед парадоксом. В нём нет места «смерти как пути к благоговению», и фиговая оса — слишком биологическая, с привкусом язычества, метафора для талмудической агады.

Да, Исмаил аль-Джулани мог написать такое. В притче слышна идея о том, что творение — это изъятие из Бога (и Адам как проявление этого «изъятия»), возвращение — «помещение обратно» через фана (растворение в Господе), женское начало — активная жертвенная сила, входящая в мужское. Инжир в Коране упоминается как клятва смоковницей и оливой («Ат-Тин» 95:1-3); суфии часто толкуют сур

¹ Пресуществление (лат.).

«Смоковница» как символ совершенного человека, аль-инсана аль-камиля, и «смерть как путь к благоговению» — это то же, что суфийское «моту кабла ан тамуту» («умрите до того, как умрёте»). Встречно текущие времена здесь намекают на вакыт в суфийском прочтении, когда мгновение содержит вечность и прошлое с будущим сплавлены в присутствии настоящего. Однако Исмаил Айдид, как и почти все суфии, держался в рамках таухида (единства Бога) и не стал бы утверждать, что Ева должна войти в Адама-инжира как буквальный механизм времени. Скорее он сказал бы: «Ты (душа) — это Ева, и ты должна войти в Адама-сердце, умереть как оса, чтобы родиться как плод». Приведённая же метафора слишком жестка и для суфийской поэтики, и для сомалийской поэзии. Да, Исмаил Айдид ближе всех к искомому первоавтору, но он — классический суфий.

Это первоначальный итог.

В следующем послании Ваше Высокопреосвященство предположили авторство названной Вами фигуры — и Ваше предположение *Dicasterium pro Doctrina Fidei* находит точным. Дело в том, что шиитский эзотеризм (особенно в традициях исмаилизма и школах, испытавших влияние ишракизма, философии озарения Сухраварди) содержит ключевые элементы инквизируемого текста. Это и имамат как структура жертвы и возвращения, где имам — вместилище, в которое должна войти душа (как общины, так и отдельная), а жертва имама (Сокрытый имам и имам Хусейн), по сути, есть смерть, которая держит время.

Также в шиизме есть доктрина *раджа'* — частичного возвращения душ в тела перед Судным днём. «Ева входит обратно в Адама-инжира» — это и есть эзотерическая *раджа'*, где Ева — верующая душа, а Адам — Сокрытый имам или само Древо жизни.

В шиитском мистицизме Фатима (дочь Пророка) часто понимается как вместилище света (мишкят), которое возвращается в тело Али через страдание. Плач Фатимы через метафору осы звучит для шиитского шейха органично.

Суфизм в шиитском контексте (особенно *ниматуллахи*) вносит фана и бака — исчезновение (в данном случае — осы) как условие вечного плода. «Смерть — это путь к благоговению» — почти дословный перевод суфийского «аль-маут — аль-джам'» («смерть — это соединение»), встречающегося у Руми и Ансари, а «войди и присоединись к его судьбе» — «сидк аль-мут» («правдивость смерти»).

Что касается *вакыта* (времени-мгновения), то современный шиитско-суфийский имам (например, последователи Табатабаи или имам Хомейни как мистик, а не политик) говорил бы о «встречно текущих временах» как о двуединстве *дайр* (цикла) и *хал* (состояния), в котором прошлое и будущее сходятся в точке *хузур* (присутствия). Это бесконечно напоминает концепцию *времён джет* и *нехех* из XVII главы Египетской книги мёртвых. И здесь инжир становится символом этого схождения цикла и состояния в присутствии.

Древо познания и Древо жизни для шиитско-суфийского имама — безусловно, два аспекта одного Древа: познание (то есть шариат) и жизнь (хакикат). Ева возвращает плод познания на Древо, чтобы жизнь стала доступна, — это точная формула эзотерического шиитского герменевтического круга.

Если говорить о духовных и литературных учителях предполагаемого Вашим Высокопреосвященством первоавтора, то его стиль и образность напоминают Сейеда Хоссейна Насра (хотя «изъятие ребра наоборот» довольно дерзко для его стиля) и Анри Корбена (французского исламоведа, друга Насра, не имама, однако часто принимаемого за такового в эзотерических кругах благодаря таким его трудам, как «Циклическое время и исмаилитский гнозис», 1982, «Лицо Бога, лицо человека: герменевтика и суфизм», 1968, «Сведенборг и эзотерический ислам», и другим) — тем более Корбен писал об «имаме как сиконии».

Исходя из вышесказанного, Декастерия по вопросам веры приходит к выводу, что первоначально предполагавшийся автор — монсеньор Рауль Мендоса, окормляющий сикариев Лос Хагуарес, действительно не имеет отношения к тексту, а предполагаемый Вами шейх Р.Исфахани может быть автором с крайне высокой степенью вероятности, ибо он соединяет суру «Ат-Тин», Книгу Бытия как предшествующее откровение, персидскую поэзию (в образе осы как жертвенной влюблённой, проникающей в розу-инжир, вкупе с биологией симбиоза фиговой осы и цветка инжира как модели бака ба'д аль-фана), современный кинематограф (он, несомненно, смотрел «Фонтан» Аронофски и узнал в нём суфийский сюжет и, возможно, в самом Дарене Аронофски — скрытого суфия).

Таким образом, симбиоз *Blastophaga psenes* с фигой (*Ficus carica*) есть энтомологическая модель того, как частная воля (ирада *джуз'ийя*) входит в божественный замысел (кадар), и оса при этом не теряет себя, становясь самим плодом. Мы полагаем, что Исфахани, будучи знаком с биологией (он глава флористических исследований и автор книги «Сады через века»), находит в этом точную иллюстрацию

к шиитскому тезису о том, что имам не поглощает душу, но даёт ей вечное присутствие. «Ева, входящая в Адама-инжира» — отнюдь не пантеизм, но теандрический акт: человеческое в нём не исчезает, но становится органом восприятия времени Богом.

Мы смеем предположить, что текст был принят общиной Исфахани (насколько нам известно, это тарикат Мактубия) как подлинная хикма (мудрость), переданная от Сокрытого имама через сон или встречу на мосту в пустыне, в своей основе содержащая неизменную сквозную нить Исфахани о Саде как образе пространства и времени. Она изложена намеренно герменевтично, с атрибуцией к посторонним людям, ибо истина не имеет иного автора, кроме Господа, и автор заблуждений — всё человечество. Но она тем более актуальна, чем ближе, по нашему общему мнению, следующая мировая война, для чего и служит императив «войди и присоединись к его судьбе» с последующим утешением «смерть — это путь трепета, благоговения».

Имею честь оставаться, Ваше Высокопреосвященство,
с уважением к Вам во Христе,

Антонио Кардинал Кантарини

* * *

Ваше Высокопреосвященство,

примите моё глубочайшее удовлетворение от труда, проделанного Dicasterium pro Doctrina Fidei под руководством Вашим и Его Высокопреосвященства кардинала Кантарини. Се показательный случай, когда инквизиционное исследование, сохраняя должную строгость, не убивает тайну, заключённую в поэзии, но обнажает теологический скелет оной там, где он наличествует. Вывод, сделанный Декастерией, безупречен по методу и изящен по интуиции.

Я не беру на себя смелость толковать его пророчеством о неисправимом, но смею слышать в нём иное: смерть как путь к благоговению есть не призыв к смерти той, что понимаема миром в простоте её, но призыв к такой жизни, в которой каждое мгновение наполнено и судом, и милостью в их невыразимом величии. Сие максимально далеко от фатализма и максимально близко к той свободе, о которой писал апостол Павел филиппянам и всем нам: «Для меня жизнь — Христос и смерть — приобретение».

Благодарю брата Кантарини и всю Декастерию и прошу передать им моё апостольское благословение с разрешением опубликовать сей труд для внутреннего пользования (разумеется, с купюрами, защищающими тайну следствия и доброе имя ничего не подозревающего монсеньора Мендосы).

С неизменной верой в Единое Древо, чьи две ветви — познание и жизнь — в едином времени, каждый миг срастаются на Голгофе в третий плод, который не познаваем ни инжиром, ни осою в отдельности, но который нам дарован каждое воскресенье хлебом и вином и в котором встречно текущие время познания и время бытия перестают разрывать нас, но позволяют пребывать там, где смерть утрачивает право последнего слова.

Deo gratias per omnia.¹

С Христом, Который есть время для нас, что течёт от Отца через Духа вновь к Отцу,
Ф.,

епископ Рима, слуга слуг Божиих

¹ Благодарение Богу за всё (лат.).